

ИМЕНА И СОБЫТИЯ

Всемирно известный импресарио, поставляющий на небосклон мировой культуры звезд первой величины, **Рональд Вильфорд** заключил с **Михаилом Плетневым** долгосрочный контракт. Сенсация номер один, контракт века — так комментируют в музыкальном мире этот факт. Ведь столь блистательную карьеру Российский национальный симфонический оркестр сделал за невероятно короткий срок.

И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, всего лишь полгода назад, 1 ноября, собрались на первую репетицию эти отважные (иным словом не назовешь) музыканты, покинувшие насиженные места в оркестрах, прочно завоевавших место под солнцем, в надежде достичь новых вершин в новом составе. Далее события разворачивались самым стремительным образом. Пятнадцатого ноября — презентация, оркестр объявляет, что он — Российский национальный симфонический. А уже 1 февраля музыкальная Москва берет «штормом» Большой зал Консерватории. Все хотят быть на первом концерте цикла «Все симфонии Бетховена» и стать свидетелями знаменательного события — рождения нового коллектива. Газеты напишут: «Это была премьера и оркестра, и дирижера — Михаила Плетнева».

— Он счастливчик! Если бы я был счастливой звездой, так это Михаил Васильевич. На сегодняшний день, пожалуй, самый удачный складывался. В тридцать лет он получает Гран-при в Париже. Тогда и была поднята планка, ниже ее — не опускался. Великий пианист, однажды ему привиделось, что должен стать великим дирижером, создать уникальный оркестр... И это тоже произошло. А сейчас он стоит у порога еще одной неведомой сферы, заниматься ею заставляет жизнь, — говорит руководитель оркестра Татьяна Сухачева.

Счастливая звезда и тут Плетневу не изменила. Независимый оркестр, не получающий от государства ни копейки, — красивая идея. Реальной она стала благодаря судьбе, пославшей ему эту удивительную команду администраторов, которую и возглавляет Татьяна Сухачева. Их десять человек, прошли школу первой волны шоу-бизнеса в эстраде. Сформировал команду естественный отбор, «каждый спиной ощущал дыхание тех, которые хотят занять твое место и получать больше денег», но он же и привил умение работать четко, добросовестно, с полной отдачей. Такая и только такая команда берется теперь невозможное делать возможным.

Студия «Москва» Татьяны Сухачевой, занимавшаяся концертной деятельностью, за полгода работы имела уже в обороте около двух миллионов. Дать, выплачивавшаяся вышестоящей организации, фирме «Союзконцерт», была достаточно высокой. Ее исправно платили. Но однажды Татьяне пришла мысль: «чем кормить чиновников, лучше содержать что-то полезное — или оркестр, или галерею...» Так они попали к Плетневу. Денег от эстрады на его оркестр оказалось ничтожно мало. Найти в развалившейся стране миллионы казалось тогда делом полностью безнадежным. И все же они взялись за поиски. И человек, пожелавший поддержать замечательную идею, нашелся. Срочно был создан благотворительный фонд «Артика». И миллион получен от Кирилла Иоисовича Богдановича. Первый щедрый дар в самое трудное время спас положение, но и он не покрыл тогда всех расходов. Поддержал «Автовазбанк», продав валюту по льготной цене. Субсидирует и «Кредобанк», ставший основным спонсором.

«В Российском национальном оркестре должны быть лучшие музыканты, у музыкантов — самая высокая плата за труд, лучшие помещения для репетиций (снимается конгресс-холл в «Космосе»), лучшие костюмы и лучшие инструменты»...

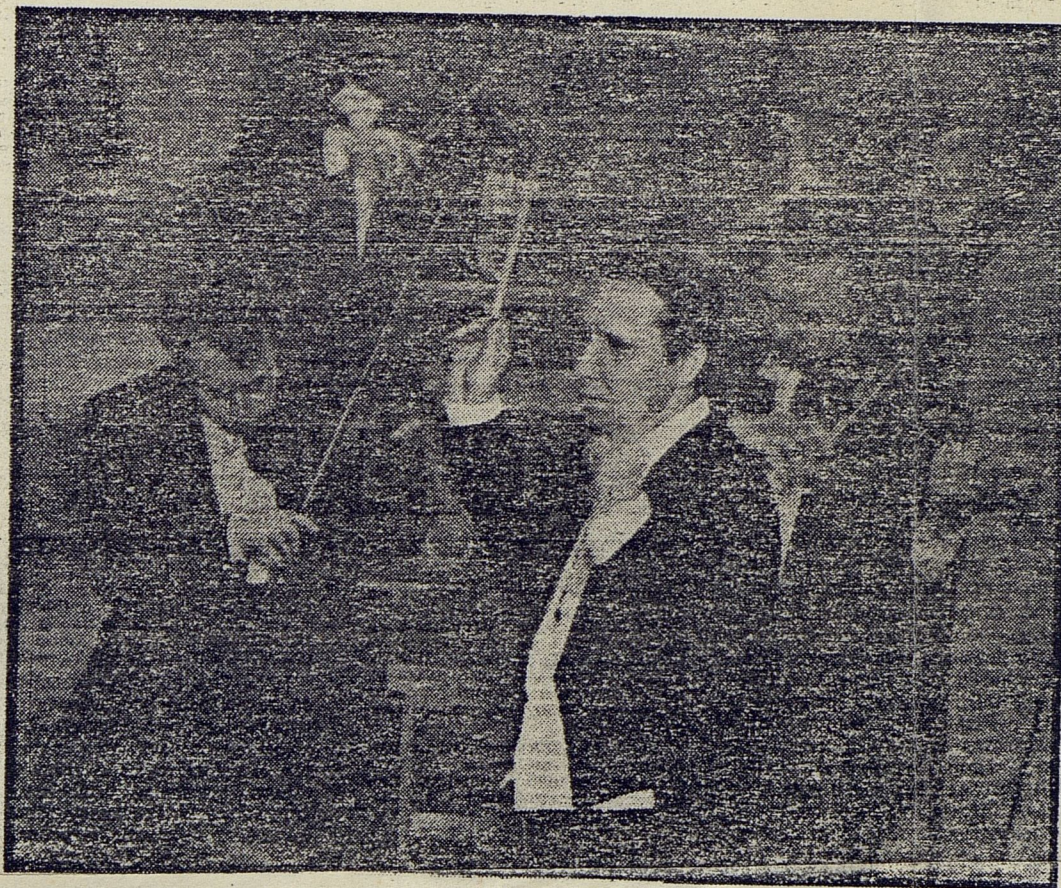
Но был момент, когда и эта слаженная команда все же «дрогнула», потеряв надежду

как другие оркестры не вылезали, что называется, из-за границы. И средний месячный заработок музыкантов там был около двух тысяч долларов. По да же самому грубому и маленькому курсу — это примерно сорок тысяч рублей. Вот и сравните: сорок тысяч рублей в госоркестре плюс зарплата и около тысячи — у меня...

того, чего они могут достигнуть у нас.

— Можете ли вы назвать имена талантливых музыкантов вашего оркестра?

— Мог бы назвать вам огромный список. Оркестр отличается тем, что у нас работают только музыканты, отобранные по самой высокой шкале профессиональных критериев.

Михаил ПЛЕТНЕВ, ЕГО НЕЗАВИСИМЫЙ ОРКЕСТР И КОМАНДА СОВЕТСКИХ БИЗНЕСМЕНОВ

вытянуть взваленную на себя ношу. Так случилось, когда выяснилось: для покупки именно тех инструментов, каких хочется, потребуется полмиллиона долларов... Кто выручил? Сам Плетнев. Отдал все, что накопил, всю валюту, какая у него была. Да влез еще и в долги, взяв кредиты в швейцарском банке. И инструменты для Российского национального симфонического были куплены!

РЕДАКЦИЮ он пришел ровно в назначенное время и сразу предупредил: — О себе рассказывать нет никакого интереса. Если вам будет угодно, темой разговора изберем то, о чем хочется говорить.

— **О судьбе оркестра!**
— Сейчас для меня это самая актуальная из всех тем, которая может быть.

— **Михаил Васильевич, вас упрекают — оголили все оркестры. К вам «побежали» самые талантливые музыканты. Почему такое произошло?**

— Очевидно, потому, что люди хотели заниматься творчеством, на предыдущей же работе реализовать свои возможности в полной мере не могли. Все прочие объяснения, мягко говоря, далеки от истины. В финансовом отношении музыканты наши проиграли, я бы сказал, раз в двадцать.

Некоторое время оркестр наш лишился каких бы то ни было доходов в свободно конвертируемой валюте, в то время,

Дальше. Условия, которые мы обеспечиваем, тоже далеки от совершенства. Хотя наша администрация, должен отдать ей должное, и старается делать все, что в ее силах.

А вот мнение Татьяны Сухачевой: «К нам приходили группы по 15–20 человек, из разных оркестров, проходили жесткий конкурс, точно знали, что никакие их социальные проблемы не будут решаться... И все же часто они у нас спрашивают: какая социальная защита? Да никакой, отвечаем им, твой собственный труд. Когда мы сказали это на первом собрании, пятнадцать человек ушли. У нас заболели мы оплачиваем вам эти дни полностью, только выдвигайте требование: если же будете болеть каждый месяц и будет страдать коллектив, мы вынуждены будем расстаться... И все же, говорят, люди пришли к нам из-за высоких зарплат, — возможно, но это на третьем месте. На первом — привлекал сам Плетнев, как личность, как музыкант, все потянулись к нему. И второе — безусловно, стремление к независимости. Только здесь музыканты получили возможность решать, сколько и какое произведение им репетировать, чтобы оно звучало так, как они его видят и слышат. В госоркестрах оркестрам им говорили: вот вам две репетиции, и вы должны играть. В каком виде? Никого не волнует. Здесь — все и всех волнует... По их лицам на репетициях, которым порой нет конца, мы видим, они обрели второе дыхание».

М. ПЛЕТНЕВ:
— Судите сами, что мы могли бы предложить? Только творчество, больше ничего. Я полагаю, ранее они не достигли бы

Во-первых, если начать с самого верха, лидер, концертмейстер — Алексей Бруни, лауреат международных конкурсов. Он возглавляет весь оркестр. Концертмейстеры других групп тоже опытные музыканты. Достаточно сказать, что во вторых скрипках, на первых трех пультах, сидят просто бывшие концертмейстеры, причем крупнейших оркестров. Я не могу не сказать о группе деревянных, духовых, инструментов. Сергей Бубнов — первая флейта, чудесный гобоист — А. Корешков, лауреат международных конкурсов Александр Изанов — кларнетист. Не могу не отметить валторниста мирового класса — Игоря Макарова и самого удивительного трубача, который в Союзе имеется, — Евгения Фомина... Понимаете, трудно назвать не всех... Все достойны почетного «перечня».

— **Оркестру — полгода. Можно ли сегодня сказать о каком-то итоге?**

— Безусловно. Собственно кульминацией нашего существования явился контракт, подписанный недавно с президентом фирмы «Коламбия» Рональдом Вильфордом.

К сожалению, у нас в стране не знают, кто он такой. Но любому человеку на Западе достаточно назвать эту фамилию, чтобы он понял, о ком идет речь. В музыкальном менеджменте его имя столь популярно, как в политическом смысле — у Вильфорда несколько дирижеров, ко-

торых он персонально представляет, и два оркестра — Берлинский симфонический и Венская филармония, два крупнейших оркестра в мире.

Надо сказать, что «Коламбия» — это, наверное, самая большая фирма подобного рода. Ее офис находится напротив Карнеги-холла в Нью-Йорке, где работает около гестисот человек. Но сам Вильфорд берет в свой менеджмент только тех, кого считает самыми выдающимися коллективами или солистами в мире. Вот имена — Караян, Кабалле, Горовиц, Иво Погорелич, Ростропович. Вот, кто такой Вильфорд!

Записи, сделанные нашим оркестром, которые слышал Вильфорд, произвели на него сильное впечатление. И несмотря на его, мягко говоря, нежелание работать с кем-то из Советского Союза, зная нашу «машину» бюрократизма, с которой невольно столкнулся, — все-таки он решился на то, чтобы взять наш оркестр. И заключил с нами долгосрочный контракт. Что для нас это означает? То, что нас признали. То есть мы первыми попали в тот «уровень» менеджмента, куда никто никогда из советских ни оркестров, ни солистов еще не попадал. Наши страдания, наши невзгоды, тяжести, всякие удары, трудности, я считаю, этим контрактом полностью, даже с лихвой вознаграждены. Я счастлив за наш оркестр! Счастлив!

— **Будете ли вы теперь выступать в своей стране?**

— Ну а как же? Я все время удивляюсь, когда меня спрашивают: не означает ли, что именно сейчас вы и уедете?

Понимаете, если бы я хотел собрать оркестр и уехать, я бы его собирал не здесь. А скажем, в Англии или в другой стране. Мы будем жить здесь и играть здесь до тех пор, пока это будет возможно.

Но я, честно говоря, как и все, опасаясь той ситуации, которая сложилась сейчас в стране. И всех тех последствий, которые могут иметь и долгие дебаты, и политические споры, и накал обстановки. Я все время пытаюсь уловить, услышать голоса разума, надежды, понимания, что мы сейчас должны действовать вместе. Не в интересах каких-то группировок, а в интересах всего народа...

Для этого, конечно же, нужно освободиться от всяких пут и преград, дать умным, интересным людям, а таких много, возможность взять какие-то серьезные дела в свои руки. Вопрос о приватизации должен быть решен как можно скорее, ежели и дальше он будет решаться такими черепашиными темпами, людей этих здесь уже не будет. Они все уже будут на Западе... А с кем мы здесь останемся?

— **И все-таки вы создавали оркестр здесь, а не там!**

— Для артистов лучше всего, когда они живут на своей земле. Это вне всяких сомнений. Но на этой земле, я считаю, им должны быть созданы условия для того, чтобы они могли существовать...

Я думаю, что практически у нас сейчас в стране есть только две ценности, которые мы можем предьявить миру. Первая ценность — это природное богатство, ресурсы, которые еще пока не успели разграбить. А вторая — это наша культура. Больше ничего нет!

И ничего невозможного будет потом собрать, поймать это. Вот, скажем, наш оркестр... Он существует, как монолит. Он может случиться так: государство не пойдет нам навстречу, не даст необходимого (хотя бы на несколько лет, пока встанем на ноги) освобождения от налогов, не даст возможность существовать, проявит небрежное отношение к музыкантам... И мы развалимся. Плюнем на все, разведемся по разным странам. Кто в Голландию, кто останется здесь и даже будет где-то играть, кто в Америку... Попробуйте собрать все обратно,

попробуйте! Возьмите статуэтку Фаберже и разбейте ее молотком, а потом попробуйте ее склеить и посмотреть, что из этого получится. Вот чего я боюсь...

— **Какие проблемы, конкретно грозят сегодня вашему существованию?**

— Оркестры всегда и везде убыточны. Когда в Америке снизили государственную субсидию оркестрам, из них, наверное, сто или сто пятьдесят развалились тут же. Оркестры убыточны, но надо их поддерживать. И для этого есть — «А» — государство. В нашем случае мы не берем от него ни копейки. Мы знаем, что Министерство культуры СССР — бедная организация. Мы говорим, что мы ничего от вас не возьмем, сами будем вам давать что-то. Можем давать благотворительные концерты. И мы делаем это. «Б» — есть спонсоры! Но наша политика в отношении спонсоров — чудовищная. Даже тем людям, которые хотят давать деньги на оркестр, не разрешают этого делать.

Сейчас, правда, есть надежда, что нас освободят от налога. Все-таки есть люди, которые понимают значение оркестра. Значение, престижное для России, если хотите. Хотя от понимания до результата еще нужно пройти путь.

— **Кто может поддержать вас в данной обстановке? И каким образом можно это сделать?**

— Поддержат нас могут все, кто пожелает помочь. Видимо, мы в курсе, что концерты «Известия-Бурда» выступил с предложением создать Попечительский совет. Мы будем рады переговорить со всеми, кто готов предложить свою помощь, сотрудничество. Во всех странах богатые фирмы, состоятельные люди считают престижным поддерживать всемирно известные коллективы, составляющие славу Отечества. Наш контактный телефон: 338-49-71, Леонид Семенич Окунов.

Еще я хотел бы сказать вот о чем. Если бы вы спросили: почему все же я решился создать оркестр? Я бы ответил: уверен, у нас музыкантский потенциал для создания оркестра выше, чем на Западе.

— **Чем вы это объясняете?**

— Уровнем обучения, прежде всего. Таких струнников, например, попробуйте поискать на Западе, — не найдете, — виртуозные! И других музыкантов, по другим профилям, с таким звучанием, с такой душой... Все-таки, русская душа, понимаете, она особая... Ей есть что сказать, — глубокая душа!

— **В скором времени оркестр уедет на гастроли или вы закончите «Бетховенский цикл»?**

— Безусловно, мы завершим все, что обещали. Я не считаю себя вправе снимать концерты в Большом зале Консерватории. Правда, мы съездим ненадолго в Израиль, потом в Западную Германию. В начале следующего года у нас турне по Италии и Испании.

Я хотел бы еще к сказанному мною добавить вот что. Понимаете, мало того, что мы, вопреки всяким слухам, остаемся в России, мы еще стараемся вести благотворительную деятельность. Все концерты, и «Бетховенский цикл» в том числе, — благотворительные. Скажем, мы отдали деньги Консерватории в связи с юбилеем, перевели филармонии. Будут какие-то доходы, мы предполагаем вложить их в развитие культуры России. Скажем, открыть какие-то школы музыкальные, институты. То есть мы хотим приносить пользу своему много-страдальному народу, который ни за что ни про что живет на самом низком уровне, загнан политиками в безысходные тупики.

Наталия КИШКИК.
Фото Виктора АХЛОМОВА.